

Digitized by the Internet Archive
in 2013

Я З Ы К Ъ
ЖИВОТНОЙ И УМСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Д. ЛАВРЕНКА.

В О Р О Н Е Ж Ъ.
Въ Типографіи В. Гольдштейна.
1865.

Дозволено Ценсурой. Москва 23 Января 1865.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно быть:

стр. строк.

1 — 8 γλώττα,
6 — 19 между людьми (?)
8 — 26 слов сный
10 — 15 подъ именамъ
11 — 18 паруса
16 — 17 ,
— 18 о ну
— 19 че ъ
23 — 21 типичые

γλῶττα,
между людьми.
словесный
подъ именемъ
паруса
у,
одну
чемъ
типичные

Я З Ы К Ъ

ЖИВОТНОЙ И УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

(ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

На послѣднемъ съѣздѣ филологовъ въ Мейсенѣ, одинъ изъ лучшихъ представителей стараго философскаго направленія въ языковѣдѣніи, берлинскій профессоръ *Штейнталь* рѣшаетъ судьбу новой, естественно-исторической школы языковѣдовъ такою фразой: «Глоттика (греч. γλῶττα, языкъ, рѣчь), низшедшая на степень описательной естественно-исторической науки, никакъ не можетъ замѣнить своего безспія даже теперь, когда естествознаніе возвысилось на степень исторіи. (Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Berlin, 1864. стр. 23).

Великій геній, время, устами лучшихъ своихъ сыновъ открываетъ новые пути въ вѣчныхъ поискахъ за знаніемъ, и всякій вѣрный сынъ времени слѣдуетъ этимъ указаніямъ и трудъ его не пропадаетъ даромъ. Зоологъ, ботаникъ, глоттикъ почти одновременно перестали смотрѣть на свой предметъ, какъ на группу рѣзко разграниченныхъ между собою типовъ; такъ напримѣръ для ботаника все растительное царство представляетъ въ своихъ формахъ рядомъ всѣ тѣ стадіи развитія, которыя от-

дѣльное растеніе проходитъ *последовательно* (Шлейденъ, Растеніе и его жизнь, 1862. Стр. 101). Въ глоттикѣ эта параллель сказала сама собою между морфологической классификаціей языковъ съ одной стороны и исторіей развитія языка у отдѣльнаго человѣка съ другой стороны. Глоттикѣ не замедлило перенести эту аналогію и на исторію первичнаго развитія языка (Шлейхеръ, *Deutsche Sprache* и др.). Простѣйшая форма языка—это рядъ простыхъ звуковъ, имѣющихъ каждый самостоятельное значеніе. Каждое дитя переживаетъ эту форму языка, которая служитъ первымъ фазисомъ развитія его рѣчи. Возникаетъ ли эта форма сама собою, какъ естественное отраженіе умственного процесса, или-же первое слово, первый знаменательный звукъ передается черезъ цѣлый рядъ поколѣній, какъ зародышевыя животныя? Во всякомъ случаѣ—какъ это происходитъ?

Дитя не вдругъ начинаетъ говорить, но мозгъ его уже работаетъ, оно издаетъ какіе-то звуки,—это еще не языкъ;—что же это такое? Стоитъ только быть последовательнымъ, чтобы продолжить аналогію тамъ, гдѣ ея не достаётъ съ одной стороны въ теперешнихъ типахъ языковъ, и такимъ образомъ прослѣдить переходъ отъ человѣка къ ближайшему типу въ ряду животныхъ существъ.

Вотъ задача этихъ писемъ.

I.

«Журавель питається въ липці: скільки въ тебе думокъ?—Десять; а въ тебе скільки?—А въ мене ідна».

Изъ малорусской сказки.

Вспомните этотъ сказочный міръ: въ немъ и звѣри ведутъ рѣчь, и лѣсъ дремучій—ихъ жилье,—и вѣтеръ и птицы, и море и рыбы,—все говоритъ и понимаетъ другъ друга, и все это понимаетъ и со всѣмъ этимъ человѣкъ ведетъ рѣчь, и все это наконецъ кажется для насъ такъ понятнымъ и такъ естественнымъ въ дѣтствѣ! Бредъ ли это фантазіи, или же смутное воспоминаніе чего-то?... Пронически улыбнется на этотъ вопросъ мальчикъ, считающій себя уже на столько развитѣ дитяти, на сколько европейецъ выше какого нибудь африканскаго дикаря, болтающаго съ верблюдами, съ змѣями и даже съ саранчой, съ водопадами!.. ¹⁾ Позже, постигнуши великую общность плановъ, по которымъ идетъ какъ развитіе отдѣльнаго индивидуума при прохожденіи его чрезъ низшія формы (зародышное развитіе языка у дитяти), такъ и градація существующихъ типовъ (сравнительная исторія развитія народовъ) и наконецъ первичное возникновеніе этихъ типовъ (занимающій насъ вопросъ),—тотъ же мальчикъ уже не улыбнется, а остановится и пресерьезно задумается надъ этимъ вопросомъ.

Что же это за языкъ былъ такой и отчего его теперь не слышио?

Время, въ которое мы сплнмся перенестись, старѣ всякаго преданія, но что оно не безслѣдно пропало, на это намѣкають нѣкоторыя сказки и еще болѣе сказокъ дѣтскія игры, этотъ послѣдній памятникъ отдаленнаго прошедшаго; съ ними пропадаетъ и всякій слѣдъ былого и тутъ уже выступаетъ на всемъ просторѣ указанная нами аналогія между дитятей, дикаремъ и первичнымъ человѣкомъ.

(¹) См. «Природа и люди» Африка.

Вспомните одну дѣтскую игру, въ которой *сорока-ворона* (обыкновенно бѣлая дѣвочка) сзываетъ своихъ дѣтенышей и дѣти мигомъ летятъ къ ней со всѣхъ сторонъ, поднимая при этомъ такой шумъ, что вы воображаете передъ собою вмѣсто дѣтей крикливую стаю вороновой породы. Аналогія наша не ограничивается въ этомъ случаѣ птицами да дикарями, которые съ подобнымъ же шумомъ и гамомъ отправляютъ свои празднества: наши театральныя залы часто представляютъ подобное же зрѣлище. Все это — животный языкъ веселаго общества. Здѣсь равносильны въ выразительности и голосъ, и тѣлодвиженіе.

А когда плачетъ дитя, замѣчали ли вы, какою иногда пѣвучестью отличается его голосъ? Вспомните при этомъ, чтобъ не далеко ходить за примѣрами, малорусскую *поселянку*, которая *тужитъ* надъ покойникомъ: что это, — плачь или пѣніе? Также легко можно понять гореванье дикой голубки надъ разломаннымъ гнѣздомъ, или же вой голоднаго волка. Развѣ это не языкъ? Да, это животный языкъ горя.

Безъ сомнѣнія, многимъ изъ насъ случалось быть свидѣтелемъ того, какъ ласкается къ матери дитя и какими звуками — помимо словъ и поцѣлуевъ — отвѣчаетъ на эти ласки мать. Ежедневно случалось и случается видѣть и слышать, какъ ласкается къ намъ, какими звуками силится выразить свою безконечную привязанность къ намъ одно изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, или — какіе слышимъ звуки въ воркованьи голубиной пары, вошедшемъ въ половицу! Что это? Все это животный языкъ любви.

А когда напр. ту же самую собаку, которая ласкается къ вамъ, вы какъ нибудь оскорбите, — съ какимъ ворчаніемъ она отойдетъ отъ васъ!.. А отчего люди ворчатъ? Видѣли ли вы ссору двухъ воронъ, или же ссору вороны съ мальчикомъ, грабящимъ ея дѣтенышей: какимъ задыхающимся, хриплымъ голосомъ они кричатъ!.. понятно, что это за крикъ. Это животный языкъ ненависти.

Пристально всматриваясь и озираясь вокругъ, мы бы нашли — въ голосѣ или тѣлодвиженіи — выраженія всѣхъ ощущеній, свойственныхъ животной жизни. Но мы сейчасъ прочтемъ на лицѣ дитяти иной языкъ, — языкъ, который поразитъ насъ своимъ безмолвіемъ среди этого живаго шума животной жизни.

Никогда не забуду глубоко-серьёзнаго выраженія личика одной дѣвочки лѣтъ двухъ, которую поднесли проститься съ матерью, лежавшею на столѣ... «Мама спитъ», сказали ей, такъ она и подумала сначала, по вотъ все болѣе и болѣе личико ея принимаетъ неподвижный видъ какъ у самой матери... Поразилъ ли ее контрастъ между жизнью и неподвижностью? Или она впервые сравнила эти двѣ разительныя противоположности? — Въ Африкѣ, есть одно племя, которое никакъ не можетъ постигнуть, что человѣку — естественно умирать, и каждый разъ ищетъ убійцу и мститъ за покойника... Да и какой народъ въ мірѣ поцалъ это явленіе, какъ оно есть?.. а что оно его интересовало, объ этомъ говорятъ всѣ похоронные обряды и связанныя съ ними повѣрья.

Подобное же выраженіе лица замѣчалъ я у того же дитяти, когда оно засматривалось на огонь въ каминѣ, на шаръ горящей лампы, на заходящее солнце: оно, видно было, думало о чемъ-то .. Находило ли дитя между этими предметами сходство, котораго прежде не замѣчало? или огонь такъ ужъ привлекателенъ по своей природѣ? Да, покоишь-вѣка его боготворили люди и теперь еще боготворять.

Мнѣ приходилось послѣ того часто наблюдать, какъ это дитя въ бурную осеннюю ночь, прижавшись къ нишѣ, думало о чемъ-то и только по временамъ открывался его сомкнутый ротикъ и тихо вторилъ завываньямъ бури: о передразниваніи конечно нельзя было и думать. Это же самое дитя, въ другое время рѣзвое и живое, было отличнымъ субъектомъ для наблюдений надъ языкомъ животной жизни.

Итакъ, видно, есть въ природѣ явленія, которыя отражаются на человѣкѣ не тѣмъ, что вызываютъ

въ немъ ощущенія пріятнаго или непріятнаго, а тѣмъ, что налагають на него печать безмолвія, неподвижности, нѣмоты...

И что это за безмолвіе? Не видно ли за этой нѣмой неподвижностью пробужденія могучей силы?

Здѣсь видна поразительная аналогія между этимъ состояніемъ дитяти и молчаливо-серьезнымъ видомъ людей постоянно работающихъ умомъ: не разрѣшается ли ихъ безмолвіе новой формулой, новымъ опредѣленіемъ? Что же послѣ этого умственный процессъ въ головѣ ученаго, какъ не дальнѣйшее *твореніе* языка, и что такое это *твореніе* языка у дитяти или первичнаго человѣка, какъ не тотъ же умственный процессъ въ зародышномъ состояніи?...

Языкъ живою жизнью былъ простымъ, естественнымъ отраженіемъ извѣстныхъ впечатлѣній на нервную систему, а вовсе не имѣлъ задачей быть средствомъ сообщенія между животными, хотя очень легко бы могъ быть такимъ средствомъ. И нашъ языкъ вовсе не былъ вызванъ потребностью сообщенія между людьми (?) Не тѣмъ мы выше животныхъ, что понимаемъ другъ друга, а тѣмъ, что между нами только возможны такія особи, которыя болѣе или менѣе *вдумываются* въ окружающія насъ явленія, и первое слово, сказанное первымъ человѣкомъ, было первою попыткой объяснить эти явленія.

Между впечатлѣніемъ, вызвавшимъ въ человѣкѣ молчаливое раздумье, и словомъ, которымъ разрѣшилось это молчаніе, проходитъ извѣстное время и въ это-то время существовала для первичнаго человѣка возможность изъ множества звуковъ, которыми богатъ животный языкъ, припомнить и воспроизвести такіе, которые—хотя бы посредствомъ самой отдаленной аналогіи—могли сколько нибудь объяснить безпокойно-шевелившее его мозгъ явленіе.

Но очевидно не было для первичнаго человѣка невозможности—издавать совершенно оригинальные звуки разнообразнѣйшихъ свойствъ. Для того чтобъ не ограничиваться сферой возможностей, мы должны рассмотретьъ языкъ, какъ одно изъ физиологическихъ отправленій, обуславливаемое извѣстными физическими законами.

III.

«Едвали найдется въ настоящее время лингвистъ, который не согласится съ тѣмъ, что такъ называемые законы благозвучія мало согласуются съ пріятностію или непріятностію для слуха, а просто зависятъ отъ механизма органовъ рѣчи, и что всѣ тѣ измѣненія, которыя претерпѣваютъ языки въ теченіе времени, управляются не ухомъ, а механическими законами, которымъ подвержены органы рѣчи.»

Brücke.

Въ 1780 году одинъ молодой фізіологъ въ Тюбингенѣ Hellwag, издалъ свою докторскую диссертацию «de formatione loquelae» (*), и такимъ образомъ положилъ начало одной маленькой наукѣ, такъ называемой *альфаветикъ*, которая вызвалась примирить два лагеря ученыхъ, фізіологовъ и филологовъ, объясняя звуковой матеріалъ, изъ котораго сложились языки—предметъ изученія филологовъ—фізіологическими приѣмами и средствами. Маленькую науку забыли вмѣстѣ съ ея основателемъ. Лѣтъ черезъ тридцать другой юный фізіологъ, теперь восьмидесятилѣтній старикъ, Du-Bois Reymond, снова заговорилъ объ альфаветикѣ (**) и про Гельвага напомнилъ ученому міру;

(*) Онъ первый открылъ принятую всѣми пирамиду гласныхъ звуковъ, которую еще разъ открылъ Гриммъ; вотъ что онъ говоритъ въ своей диссертации:

«Princeps vocalium, reliquarum basis, vel in scala positarum centrum est *a*: ex hac duplex ascendit scala, in gradus extremos *i* et *u* terminata: gradibus his extremis et homologis inferioribus termini interjacent intermedii. Graduum et terminorum intermediorum ad basin relatio sub hoc schemate concinno potest representari:

u	ü	i
o	ö	e
á	ä	
a		

(**) «Kadmus, oder Allgemeine Alphabetik vom physikalischen, physiologischen und graphischen Standpunkt.»

но не только что ученый міръ, а и самъ Du-Bois забылъ и про алфавитку и про свои собственные изслѣдованія. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ маленькой наукѣ такъ посчастливилось: въ 1856 году вышло въ Вѣнѣ большое сочиненіе учонѣйшаго свойства, подъ заглавіемъ «Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprechlaute», профессора Брюкке и вслѣдъ за нимъ уже непрерывно стали появляться основательные ученые труды въ этой области, съ именами *I. Мюллера*, *P. Раумера*, *Кудельки*, *Чермака*, *Меркеля* и многихъ другихъ физиологовъ и даже старикъ Du-Bois вспомнилъ про свои юношескіе труды и подарилъ свѣту *Кадма* (*), при чемъ и Гельвагъ воскресъ изъ забвенія и маленькая наука получила право гражданства въ лагерьъ физиологовъ.

Легко понять, какія важныя послѣдствія повлекло бы за собою открытіе естественной системы словесныхъ звуковъ: цѣлый рядъ измѣненій, изъ которыхъ слагается жизнь языка, можно было бы свести тогда на ихъ конечныя причины, чѣмъ могутъ быть только простые и всегда и вездѣ одинаковые законы природы. Мало того, это открытіе пролило бы много свѣта и на первичную исторію возникновенія словесныхъ звуковъ—а слѣдовательно — и сопровождаемаго ими процесса умственной жизни.

Въ видахъ этой великой цѣли не откажемся пересмотрѣть и сгруппировать всѣ звуковыя явленія, какія только способны произвести нашъ словесный органъ, выдѣляя тотъ звуковой матеріалъ, изъ котораго сложилась людская рѣчь.

Прежде всего раздѣляемся со всѣми тѣми звуками, которыми сопровождаются различные процессы растительной жизни нашего организма, напримѣръ дыханіе съ открытымъ ртомъ, особенно во снѣ, на холодѣ, въ жару, зѣваніе и т. п. (**)

(*) «Въ Neue Berl. Monatschrift 1844 г.

(**) Само собою разумѣется, что эти звуки могутъ быть слышимы въ рѣчи, такъ какъ она основана на выдыханіи воздуха: это *verae gutturalae* у Брюкке, куда принадлежатъ греческія придыханія, арабское *ha* или *hha* французское *h* non aspiré, слабое англійское *h* въ началѣ многихъ словъ нѣмецкое *h*, малорусское *г* въ началѣ словъ и др.

Затѣмъ начнемъ съ простѣйшихъ звуковыхъ явленій, съ *однократныхъ толчковъ* паслуховой нервъ. Въ природѣ эти звуки производятся, напримѣръ, выстрѣломъ, хлопаньемъ бича, т. е. мгновеннымъ образованіемъ пустоты, которую стремится занять воздухъ. Безчисленное множество звуковъ этого рода можно образовать, открывая ротъ въ разныхъ мѣстахъ и на разные лады: одинъ поцѣлуй, образуемый, какъ извѣстно, мгновеннымъ раскрытіемъ губъ, можно разнообразить до безконечности. Менѣе эстетическій звукъ происходитъ при поныканіи лошадей, но онъ основанъ на томъ же движеніи губъ. Быстро отводя языкъ отъ твердаго неба, къ которому онъ плотно прилегаетъ своей окраиной въ покойномъ состояніи, можно произвести много звуковъ, аналогичныхъ съ предъидущимъ; сюда принадлежатъ тѣ звуки, которые часто произносятся простолюдинами, когда они хвастаются чѣмъ нибудь; подобную же эволюцію языкомъ дѣлають простолюдины и женщины сѣверной Германіи вмѣсто ja, т. е. да, въ родѣ того какъ малороссъ произноситъ съ закрытымъ ртомъ свое *эге*, т. е. да: но все это звуки животнаго языка, а вотъ у Готтентотовъ и у другихъ южноафриканскихъ народовъ звуки эти входятъ въ слова какъ составныя части (*), но что это совершенно не нормальныя явленія въ языкѣ, который основанъ на выдыханіи, понимаютъ даже Бечуаны, которые выражаются о своихъ сосѣдяхъ, Бушменахъ, что они не говорятъ, а квакають, точно лягушки. Совершенно другое дѣло—звуки, происходящіе при открытіи рта на-

(*) По *Lenciyeu* (Allgemeine linguistische Alphabet) ст. 45), этихъ звуковъ прищелкиваній у Готтентотовъ четыре, у Зулу и другихъ народовъ южноафриканскаго семейства—только три. Первый образуется быстрымъ втягиваніемъ воздуха между среднимъ нёбомъ и задней частью языка въ моментъ образованія свиста: онъ принадлежитъ Готтентотамъ; второй—обыкновенное щелканье концомъ языка; третій образуется между зубами и языкомъ, въ родѣ дѣтскаго ц! н! о которомъ мы говорили; четвертый звукъ образуется боковыми щелями между коренными зубами и языкомъ. (Цитать у *Таузинга*, стр. 9).

поромъ внутри егущеннаго воздуха: здѣсь уже не простое ретозѣйство, здѣсь уже вы видите, что какая-то сила тѣснить грудь, гонить изъ нея воздухъ и разрываетъ печать молчанія, наложенную чѣмъ-то на уста... и разрываетъ съ такою силой, что голосовыя связки дрожатъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходятъ звуки б, д, г, (g), а въ первомъ—п, т, к, смотря потому, въ какомъ мѣстѣ происходитъ разрывъ: снаружи между губами, въ серединѣ между окраинной языка и нѣбомъ, или же межъ мягкимъ нѣбомъ и задней частью языка. Этого рода звуковыя явленія служатъ однимъ изъ основныхъ элементовъ слова.

Непрерывный рядъ толчковъ на слуховой нервъ — отличительная черта втораго рода звуковыхъ явленій, извѣстныхъ въ акустикѣ подъ именамъ *шума*. Предъидущій родъ явленій звука можно пожалуй назвать *многочисленнымъ шумомъ* (Schall, а шумъ—Gereusch). Шумъ различается 1) большей или меньшей неравномѣрностью промежутковъ между отдѣльными толчками на слуховой нервъ и 2) суммой одновременно, но не равномѣрно колеблющихся частей. Въ первомъ случаѣ, съ уменьшеніемъ неравномѣрности промежутковъ, шумъ приближается къ музыкальному тону—и только въ такомъ видѣ звуковыя явленія этого рода являются въ словѣ, —въ послѣднемъ, шумъ получаетъ извѣстную типичность.

Всѣ согласные звуки съ равномѣрнымъ или непрерывнымъ шумомъ (strepitus aequalis seu continuus у I. Мюллера) принадлежатъ къ этого рода звуковымъ явленіямъ. Подвигая отверстіе отъ наружнаго края рта все болѣе и болѣе внутрь, мы будемъ такимъ образомъ увеличивать сумму одновременно колеблющихся частей (полость резонанса) и этимъ самымъ измѣнять характеръ звука: (*)

(*) Въ эту таблицу не вошли сложные звуки: ч = т + ш, итальянское g = д + ж, ц = т + с; для слуха это простые звуки, только по образованію своему двойные.

звукѣ	Отверстіе:	полость резонанса:
В	между губами	почти нѣтъ резонанса.
Ф	нижняя губа и верхніе зубы	между губами и зубами.
ð, th	окрайны языка и верхнихъ зубовъ	резонансъ почти тотъ-же.
З	окрайны языка и верхнихъ десенъ	щели между зубами+прежній рез.
С	переднія поверхности языка и нѣба	резонансъ почти тотъ же.
Ш	среднія плоскости языка и нѣба	прежній резонансъ и небольшое пространство за зубами.
Ж	языкъ упругимъ желобкомъ при- мыкаетъ къ нѣбу	резонансъ тотъ же.
й (j)	задняя плоскость языка и перед- няя часть мягкаго нѣба	между твердымъ нѣбомъ и язы- комъ.
Х	заднія части языка и мягкаго нѣба	вся полость рта.

Есть еще звуки этого рода, составляющіе впрочемъ уже переходъ къ высшимъ звуковымъ явленіямъ, къ тонамъ, по огромности резонанса:

носовой звукъ французовъ	вся полость рта замкнута	резонансъ—полость носа.
У передъ у gn франц.	нѣбный парусъ поднять	резонансъ увеличился подня- тіемъ нѣбнаго паруса.
н	поднятое все мягкое нѣбо	полость носа+полость рта до средняго запора.
м	средній запоръ открыть	прежній резонансъ до наруж- наго запора.
л	боковые края языка и зубовъ	полость рта и щекъ.
р	н и б р а ц і я я з ы к а. (2)	

Третій и высшій рядъ звуковыхъ явленій составля-
ють *тоны*, т. е. періодически правильно повторяющіеся

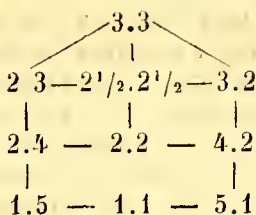
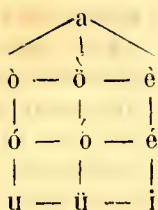
(2) Вибрація нѣбнаго паруса образуетъ такъ называемое
горланное р; но это недостатокъ органа.

(отъ 7 до 35,000 въ секунду) толчки на слуховой нервъ. Становясь словесными звуками, тоны различаются между собою своей типичной *звонкостью*, или тембромъ, который зависитъ главнымъ образомъ отъ формы воздушнаго столба, ограниченаго отражающими частями (резонансомъ), при одной и той же звучащей, т. е. колеблющейся массѣ. Стало быть, въ нашемъ голосовомъ органѣ тембръ будетъ зависетьъ отъ относительной величины передняго и задняго отверстій (между губами и мягкимъ нёбомъ и языкомъ). Если величину передняго отверстия при *y* и задняго при *и* примемъ за единицу—такъ какъ въ этихъ случаяхъ отверстия бываютъ наименьше—то отношенія величинъ отверстій выразятся въ слѣдующихъ числахъ:

Звуки.	Заднее отверстие ¹⁾	Переднее отверстие ²⁾
и	1	5
е	2	4
а	3	3
о	4	2
у	5	1

И здѣсь возможны комбинаціи звуковъ, которыя для слуха кажутся простыми, но тѣмъ не менѣе требуютъ одновременнаго участія двухъ органовъ произношенія: мы знаемъ лишь одинъ такой звукъ, *и*, аналогичный по образованію съ французскимъ *и*; съ нѣмецкимъ *й* и съ греческимъ *υ*; при произношеніи *и* заднее отверстие остается такимъ же какъ и при *у*, между тѣмъ какъ переднее = 3, или около этого; при *и*, *й* и *υ* переднее и заднее отверстия = 1. При *ё* оба отверстия = 2, при *е* переднее = 3, заднее = 2, при *о* — переднее = 2, заднее = 3. У Хладіи всѣ эти звуки расположены въ такой пирамидѣ: рядомъ съ нею поставимъ числа, сирѣдвляющія величины отверстій:

¹⁾ По Брюкке. ²⁾ По Кемпелю.

Передъ нами еще цѣлый міръ высшихъ звуковыхъ явленій, общихъ органу нашей рѣчи съ другими музыкальными инструментами, міръ музыкальных тоновъ въ ихъ *отношеніяхъ между собою*, такъ давно отражающихъ въ замкнутыхъ рядахъ ихъ октавъ, въ ихъ диссонансахъ и гармоніяхъ, ту вѣчную борьбу и примиреніе, которыя проходятъ чрезъ всю жизнь... Языкъ не пошелъ такъ далеко: какъ безграницный міръ идей, вызываемыхъ музыкой,—этимъ высшимъ языкомъ животной жизни,—становясь содержаніемъ языка умственной жизни, получаетъ опредѣленность и ясность, разлагаясь на отдѣльныя представленія и понятія,—такъ же точно и музыкальные тоны, становясь элементами слова, разлагаются на типичныя, какъ цвѣта спектра, звуки, окрашиваясь болѣе или менѣе немusicalнымъ шумомъ. Можно замѣтить, что этотъ характеристическій шумъ опредѣляется главнымъ образомъ тремя мѣстами суженій полости рта, мѣстами, которыя въ обыкновенномъ состояніи замкнуты, такъ что между этими тремя запорами остаются болѣе или менѣе замѣтныя промежутки; не трудно было также замѣтить, что между извѣстными звуками различныхъ суженій существуютъ извѣстныя правильныя отношенія, такъ

$$o : e = y : u = v : ѣ \text{ и т. д.,}$$

что наглядно доказывается равенствомъ суммы опредѣляющихъ величинъ отверстій:

$$\frac{o}{e} = \frac{4+2}{2+4} = \frac{y}{u} = \frac{5+1}{1+5} \text{ и т. д.}$$

Вспомнимъ теперь то безмолвно-задумчивое состояніе, какое мы замѣчаемъ у дитяти и у взрослыхъ

и будемъ слѣдить за постепеннымъ переходомъ этой нѣмоты въ полную жизни и смысла рѣчь. Замѣтимъ прежде всего, что звуковой продуктъ голосовыхъ связокъ — являющійся или въ видѣ тона, если голосовыя связки напрягаясь сжуживаются до $\frac{1}{10}$ дюйма, или же въ видѣ болѣе или менѣе замѣтнаго шума, если голосовая щель болѣе одной линіи — служитъ только матеріаломъ, который отливается въ различныя формы, принимаемая органомъ нашей рѣчи, ртомъ. Этотъ органъ, когда мы молчимъ, представляетъ въ трехъ мѣстахъ замкнутую полость, такъ что воздухъ при дыханіи идетъ изъ легкихъ горломъ чрезъ гортанную щель въ полость зѣва и оттуда прямо въ носовую полость. Если зазвучать при этомъ голосовыя связки, то произойдетъ мутный тонъ, резонансомъ котораго служитъ полость носа, который можетъ повышаться и понижаться и часто слышится въ языкѣ животной жизни, какъ выраженіе вопроса, отклика, неудовольствія и т. п. Какъ позднѣйшее видоизмѣненіе, этотъ звукъ слышится въ рѣчи французовъ, португальцевъ, румыновъ и др. Но вотъ на что хотѣлось бы мнѣ обратить ваше вниманіе: когда вы долго думали о чемъ нибудь, старались припомнить, объяснить себѣ что нибудь, и наконецъ вамъ это удалось, вы издаете этотъ звукъ... Этотъ звукъ даетъ вамъ знать, что тяжелая работа въ головѣ окончена: такъ носильщикъ, сваливши съ плечъ тяжелую ношу, отдувается, или лошадь, сдѣлавши порядочную станцію, отпрыскивается; но эти звуки мы понимаемъ: нарушенная нормальность дыханія разомъ входитъ въ свои права, а тамъ? тамъ скорѣе звукъ тихой радости, торжества надъ озадачившимъ явленіемъ. Означимъ этотъ звукъ чрезъ N.

Но вотъ къ резонансу носовой полости присоединяется маленькое пространство, образуемое поднятіемъ нѣбнаго паруса: такъ образуется нѣмецкое *n* напр. въ словѣ Menge, такъ произносилось греческое *γ* передъ другимъ *γ*; означимъ этотъ нѣбно-носовой звукъ чрезъ *γ*. При совершенномъ поднятіи мягкаго неба и опущенія жорня языка вся полость рта до средняго запора, т. е. до зубовъ, дѣлается дополнительнымъ резонансомъ.

напсомъ къ прежнему и видоизмѣняетъ предыдущій звукъ въ *н*; наконецъ и этотъ звукъ съ увеличеніемъ резонанса до крайняго губнаго запора переходитъ въ *м*. Итакъ звуки

м н ы

все тѣ же носовые звуки, въ которыхъ настоящій органъ рѣчи играетъ еще второстепенную роль. Но посмотрите, какъ послѣдовательно воздушная струя, которую гнала когда-то, сжимая грудь, свѣжая, молодая сила, — какъ послѣдовательно она завладѣваетъ органомъ нашей рѣчи, покидая однообразную полость носа: эта послѣдняя захлопывается и воздухъ, прежде раздѣлявшійся на двѣ полости, теперь сгущается въ одной, но замкнутый органъ не такъ легко поддается его напору и только вызвавши колебательное состояніе въ голосовыхъ связкахъ, открывается и издаетъ звуки

б д г.

Дальше органъ не представляетъ уже такого сопротивленія струѣ сгущеннаго воздуха, которая дѣлаетъ себѣ отверстіе не приходя въ колебательное состояніе; при этомъ пронесодятъ звуки

п т к.

Органъ открытъ безъ всякихъ усилій, является возможность произвести продолжительный шумъ:

ф с х.

Нужно замѣтить, что каждая степень раскрытія органа можетъ двигаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, граничащихъ съ сосѣдними степенями раскрытій, нисколько не теряя своей тишиности; каждый человекъ произноситъ звуки по-своему, не говоря уже о цѣлыхъ народахъ. Средняя часть органа, по своему строенію, болѣе способна двигаться въ ширину, чѣмъ вверхъ или внизъ, оттого-то первичное *с* является въ видѣ различныхъ такъ называемыхъ шипящихъ звуковъ отъ *θ* или *th* англичанъ и семитовъ, граничащаго съ губной областью, и до *ш*, близкаго къ звукамъ области мягкаго нѣба.

Слѣдующая степень раскрытія представляетъ такое широкое отверстіе, что воздушная струя, которой голосовыми связками сообщено колебательное состояніе, свободно проходитъ чрезъ нихъ, вызывая въ нихъ характеристичный резонансъ:

в з й.

И здѣсь средняя область богаче двухъ крайнихъ: *Ѣ*, *th* англичанъ представляетъ видоизмѣненіе звука *з* съ одной стороны, *ж*—съ другой. Чтобъ лучше видѣть послѣдовательность раскрытія отверстій, лучше всего произносить всѣ эти звуки шопотомъ. Замѣчательно, что языкъ, вмѣсто увеличенія отверстія для *з*, увеличиваетъ свою упругость.

Слѣдующая степень раскрытія для каждого звука происходитъ въ двухъ мѣстахъ: между тѣмъ какъ переднее отверстіе увеличивается на одну степень, заднее достигаетъ крайнихъ предѣловъ, при чемъ образуется звукъ *у*, и наоборотъ, когда заднее отверстіе увеличивается на одну степень, переднее раскрывается совершенно, при чемъ происходитъ звукъ *и*. Для средней области не существуетъ подобной возможности образованія звуковъ, и потому вмѣсто всего этого языкъ еще болѣе уплотняется и приходитъ въ колебательное состояніе, производя звукъ *р*. Есть переходныя ступени отъ *з* къ *р*: это—польское *gz* и чешское согласное *г*. И такъ на этой степени раскрытія мы имѣемъ

у р и.

Съ уменьшеніемъ разности между величиной передняго и задняго отверстій *у* переходитъ въ *о*, *и* въ *е*; при той же степени раскрытія крайнихъ отверстій происходитъ *л*, если только языкъ, примкнувши концомъ къ небу, раздвоитъ воздушную струю, направивши ее въ полости щекъ:

о л (1) е.

(1) Въ языкѣ Маори, въ Новой Зеландіи, существуетъ звукъ средній между *л* и *р* (Dr. Müller, Zeitschr. f. Völkerpsych. II Bd. стр. 106). Послѣ всего сказаннаго возможность такихъ переходныхъ звуковъ совершенно понятна.

Наконецъ, если всѣ отверстія будутъ равны, т. е. если органъ нашей рѣчи вмѣсто воронкообразной формы будетъ представлять трубку съ параллельными стѣнками, то получится самый музыкальный звукъ

А.

Теперь, пожалуй, можно сказать, что всѣ звуки нашей рѣчи представляютъ три ряда измѣненій (окрашива- ній или заглушеній) самаго чистаго музыкальнаго тона, свойственнаго нашему голосовому органу, проходящихъ семь ступеней, параллельно семи степенямъ суженія отверстій органа:

А

	о	.	.	л	.	.	е
	у	.	.	р	.	.	и
	в	.	.	.	з	.	й
ф	с	.	х
п	.	.	.	т	.	.	к
	б	.	.	д	.	.	г
	м	.	.	н	.	у	

Н

Вотъ и естественная система звуковъ нашей рѣчи.

■■■.

«Новорожденный мальчикъ отличается отъ новорожден- ной дѣвочки тѣмъ, что онъ кричитъ: *оа, оа*, что значить: о Адамъ, о Адамъ, зачѣмъ ты согрѣшилъ! между тѣмъ какъ дѣвочка кричитъ: *ое, ое*, что значить: о Ева, о Ева, за- чѣмъ ты согрѣшила!»

Вы конечно улыбнетесь надъ этимъ интереснымъ на- блюденіемъ лингвиста-физиолога, не знающаго въ простотѣ души другихъ половыхъ признаковъ у дѣтей; поудержите же ваши интересные вопросы, которыми вы готовы осыпать насъ, дождавшись обѣщанной *естественной*

системы словесныхъ звуковъ. Система указываетъ только дорогу къ разрѣшенію поднятыхъ нами вопросовъ; — дорогу, для проложенія которой требуется еще много и много работъ цѣлой жизни... Сотни языковъ ожидаютъ еще самой простой *статистической* разработки ихъ звуковаго матеріала — нетроутая область даже въ индоевропейской наукѣ о языкѣ: всѣ наши лингвистическія изслѣдованія похожи на добываніе *жень-шеня* китайцами и шли до сихъ поръ ощупью, безъ всякой руководной нити и нужно удивляться громадности результатовъ, добытыхъ такимъ образомъ невѣроятными усилиями нѣсколькихъ дѣятельныхъ головъ въ какія ни-будь пятьдесятъ лѣтъ! Какія невѣроятныя массы бумаги, пергамену, черепицъ и древесной коры исписаны гаданіями о языкѣ! Трудно только вообразить человека безъ рѣчи, трудно отдѣлить ее отъ себя, но если бы намъ это удалось въ минуты поэтическаго настроенія, насъ бы поразила чарующая прелесть этого послѣдняго произведенія природы, обливающаго божественно-дивнымъ заревомъ весь пройденный ею путь развитія... Но мы такъ сжились съ нашей способностью говорить, что большинству даже образованной массы до сихъ поръ кажется непостижимымъ, какъ это можно заниматься буквами!

Найденные лингвистами законы звуковыхъ измѣненій, между которыми *унодобленіе звуковъ* (ассимиляція) — самый общій, охватывающій всѣ явленія, законъ, съ которымъ можно сравнить законъ *притяженія тѣлъ*, всѣ сводятся на болѣе простую причину, на *экономію* мускульной работы органа рѣчи: вмѣсто того, чтобы говорить *nakti(s)*, Итальянецъ говоритъ *notte*, Русскій — *ночь*, Полякъ — *нос*, т. е. вмѣсто того, чтобы произносить два звука одной степени суженія, но въ различныхъ областяхъ произношенія, первый произноситъ оба звука въ одной области, а послѣдніе являются еще экономіею: произносятся такимъ образомъ вмѣсто двухъ звуковъ одинъ, они въ то же время другой области органа даютъ такое положеніе, какого требуетъ слѣдующій гласный звукъ; при этомъ, какъ видно, возможна известная доля сво-

боды, оригинальности для каждого народа, и потому Русскій выѣсто—*кѣи* говоритъ—*чь* или *ч*, а Полякъ—*с* (ц). Имѣютъ ли эти уподобленія звуковъ свое основаніе въ одномъ изъ главныхъ свойствъ нашего рода, въ лѣни, или же ихъ можно объяснить болѣе благороднымъ стремленіемъ къ сбереженію силы и времени,—это уже другой вопросъ: мы скорѣе готовы принять послѣднее объясненіе для всѣхъ звуковыхъ измѣненій въ семействѣ индоевропейскихъ языковъ; когда органъ постоянно заскакиваетъ впередъ, т. е. не произнесши одного звука, уже принимаетъ положеніе для другаго (въ этомъ состоитъ сущность *перезвука* (Umlaut) обратной *ассимиляціи* и, какъ кажется, *подъема* (*)), этимъ онъ напоминаетъ скорѣе юношескую горячность, общающую богатую рабочую силу, а уже ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть въ этомъ лѣнливой неподвижности, рутинны, держащейся развѣ принятаго положенія: всѣ эти свойства мы можемъ найти въ пресловутой гармоничности гласныхъ звуковъ въ Туранскихъ языкахъ, уподобляющихъ первому гласному звуку всѣ остальные, сколько бы ихъ ни было въ словѣ! (**)

Много явленій этого рода указано во многихъ языкахъ и ихъ легко объяснить изъ нашей системы звуковъ, но наука ждетъ болѣе точныхъ статистическихъ данныхъ объ этихъ явленіяхъ, и только на основаніи такихъ данныхъ она можетъ двигаться впередъ. Прежде всего ей нужны числа, опредѣляющія относительное развитіе отдѣльныхъ областей произношенія и даже отдѣльныхъ степеней съуженія у отдѣльныхъ народовъ и—если можно—у одного и того же народа въ различные періоды его жизни... и мы увидимъ, что изъ этого можно вывести.

Если мы будемъ изучать семитическіе языки, насъ поразитъ одна особенность, это—необыкновенное развитіе гортанныхъ звуковъ—единственное послѣдство, достав-

(*) См. мое примѣчаніе къ «Подъему гласныхъ» въ переводѣ Древне-словенской фонетики Миклошича.

(**) Этотъ законъ наибольшее развитіе въ Якутскомъ языкѣ: ср. Штейнталя, *Charakteristik der haupts. Typen des Sprachbanes*, стр. 180.

шеяся *картавлими* потомкамъ отъ богатаго языка. Мы не иначе представляемъ себѣ пламеннаго израильскаго демагога, какъ съ совершенно раскрытымъ ртомъ, сквозь который легко можно разсматривать полость зѣва. Представьте себѣ теперь англійскаго матроса, процѣживающаго что-то въ родѣ пѣсни сквозь почти замкнутые губы: это двѣ крайности, между которыми возможны всѣ тѣ оригинальные способы развитія органа рѣчи, которыми съ перваго разу отличаются одинъ отъ другаго народы. Мы хотѣли добыть болѣе точные результаты по этому вопросу въ славянскихъ языкахъ и для этого считали, сколько звуковъ въ каждомъ языкѣ можетъ быть произносимо при наибольшемъ съуженіи языка и нѣба (преимущественно задней части, т. е. мягкаго нѣба), и нашли, что въ Русскомъ языкѣ такимъ образомъ могутъ быть произносимы всѣ согласные звуки, за исключеніемъ развѣ *ѣ* (буквы пишутся въ этомъ случаѣ съ *ь*, или же слѣдующая гласная буква указываетъ на смягченіе: *я, ю*; при *е* и *и* это подразумѣвается); наименьше такихъ звуковъ въ древнеболгарскомъ языкѣ; если выразимъ въ числахъ степень участія задней области произношенія (языкъ и мягкое нѣбо мы называли задней областью) въ образованіи звуковъ каждаго языка, считая, сколько такъ называемыхъ *іотированныхъ* звуковъ есть въ каждомъ языкѣ, то они будутъ слѣдовать въ такомъ порядкѣ: ⁽¹⁾ Русскій, Польскій, Малорусскій, Верхнелужиц., Нижнелуж.,

17	13	10	9	8
Чешскій,	Сербскій	Словенскій,	Болгарскій.	
5	4	3	2	

Можно бы пожалуй вывести отсюда, что чѣмъ дальше на сѣверовостокъ живетъ народъ, тѣмъ съ большимъ сближеніемъ языка и задняго нѣба образуется его рѣчь: поразительное совпаденіе съ направленіемъ пониженій средней температуры въ Европѣ. Физиологія должна объяснить это явленіе.

⁽¹⁾ Ср. Миклошича *Vergl. Lautlehre der Slavischen Sprachen* и мою таблицу въ примѣчаніи къ *іотированнымъ* звукамъ въ переводѣ Древнеслав. фонетики Миклошича.

Всѣ ли области произношенія одинаково древни, или же которая нибудь изъ нихъ начала свою дѣятельность раньше другой? Извѣстно, что дѣти начинаютъ съ губной и зубной области послѣднихъ степеней сжуженія или же первыхъ—раскрытія органа (звукъ *a* служить только основой для этихъ звуковъ): самыя употребительныя буквы въ дѣтскомъ словарѣ: *м, н, б, д. п, т, с, в, j*; вмѣсто *к* дѣти часто говорятъ *т*, вмѣсто *л* и *р*—*j*; «туню, сывъ». Китайцы, Мексиканцы, Гренландцы и другіе американскіе народы схожи въ этомъ случаѣ съ дѣтьми: между прочимъ у нихъ недостаетъ звука *л*, и оттого они въ звукоподражательныхъ словахъ, выражающихъ напримѣръ громъ, совершенно по-дѣтски говорятъ вмѣсто *rey* (китайцы) *ley*, вмѣсто *карракъ* (гренландцы)—*kallak*, вмѣсто *трапатнитцель* (мексиканцы)—*tlatlatnitzel* ⁽¹⁾. *Кемпеленъ* говоритъ, что не по-далеку отъ Новой Англіи въ Америкѣ живетъ одно племя, въ языкѣ котораго не существуетъ звуковъ *л* и *р*, такъ что вмѣсто этихъ звуковъ въ чужихъ словахъ тамъ говорятъ *н*: *Nobstan* вмѣсто *Lobstar* ⁽²⁾. *Бущманъ* ⁽³⁾ собралъ огромный списокъ словъ, означающихъ ближайшія степени родства, каковы напримѣръ отецъ, мать и проч., въ которыхъ всѣ звуки—первыхъ трехъ степеней раскрытія. (4). Замѣчательно при томъ, что въ Старомъ Свѣтѣ все это преимущественно зубные звуки, между тѣмъ какъ въ Новомъ губные: *мать*=*ма* или *на* (*ам* или *ан*), *отецъ*=*на* или *та* (*ан*

(1) «Mitridat» Adelung's, I, стр. XIV, у Пенана въ его «De l'origine du langage», стр. 139.

(2) «Natürliche Lautsystem» Thausing's, стр. 72.

(3) «Über den Naturlaut» въ Abhandlungen der Academie der Wissenschaften zu Berlin, 1852, v. Joh. Carl. Ed. Buschmann.

(4) De la Condamine, путешествовавшій въ Америкѣ въ 1745 году, говоритъ: «Le mot Abba, Baba, Papa et celui de Mama... sont communs a un grand nombre de nations d'Amerique, dont le langage est d'ailleurs très-différent.» (Abhandl. z. Berl. 1852, стр. 393.).

или *am*). Иногда одинъ только звукъ измѣняется напр. *m* переходитъ въ *n* и слово вмѣсто «отецъ» значитъ «мать»; Бушманъ приводитъ изъ языковъ сѣверозападной Америки нѣсколько такихъ примѣровъ:

отецъ:	мать:
tacalja	nasalja
atti	anni
ataga	anaga
atya	anya

Иногда впрочемъ одинъ и тотъ же звукъ употребляется для отца и матери:

nda	nta
nna	nne
nang	nangai

и проч.

Слова, означающія женскую грудь—предметъ, съ которымъ прежде всего знакомится дитя—очень часто сходны съ словами означающими мать: по-гречески *μήρη* и *μήρη* значитъ: женская грудь, мать, бабушка, по-латини, по-болгарски (мама) и въ заливѣ св. Винченція въ Новой Голландіи, *тамма* тоже—женская грудь. Въ Екатерининскомъ сравнительномъ словарѣ мы насчитали словъ съ 15 съ характеристическимъ звукомъ *m*, означающихъ «молоко»: *мамелъ*, *малдо*, *майто*, *майдо*, *майда* и проч.; всѣ эти слова принадлежатъ различнымъ народамъ. Иногда въ словахъ, означающихъ женскую грудь, стоитъ зубной звукъ третьей степени раскрытія: нижнелѣт. *titte*, *tittih* *machen* (сосать), англ. *teat*, греч. *τίττη*, русск. *титъка*.

Итакъ первые звуки, которыми дитя или первичный человѣкъ называли предметы первой необходимости, первой степени раскрытія—затѣмъ второй и третей—губнаго и зубнаго рядовъ.... Въ томъ-же Екатерининскомъ словарѣ мы насчитали множество словъ, означающихъ *смерть* *огонь*, *бога*, *землю*, *воду*, *солнце*, въ которыхъ главную,

если не исключительную роль играет звукъ *п*.⁽¹⁾ Въ словарѣ у *Вестергаарда* масса корней съ губными и зубными звуками относится къ корнямъ съ гортанными звуками (задняя область произношенія) какъ 10:1⁽²⁾. Есть еще одно средство допытаться, которые звуки древнѣе. Извѣстенъ въ жизни языковъ процессъ *вымиранія* словъ, которое начинается тѣмъ, что слово теряетъ свой опредѣленный смыслъ и значеніе, становится техническимъ знакомъ формы извѣстнаго понятія: на этомъ основаны наши склоненія и спряженія, всѣ формы понятій выражаемыхъ существительными, прилагательными и проч. Этотъ процессъ происходитъ во всѣхъ языкахъ и составляетъ ихъ внутреннюю исторію, въ параллель съ внѣшней исторіей звуковыхъ измѣненій⁽³⁾. Разсмотримъ теперь составныя части словъ одного изъ наиболѣе разработанныхъ языковъ, индоевропейскаго, который возстановленъ въ общихъ чертахъ по теперешнимъ индоевропейскимъ языкамъ⁽⁴⁾: слова, потерявшія свое частное значеніе и сдѣлавшіяся знаками формъ, образуются звуками: *м, н, б, д, п, т, с, в, ј; а*, какъ мы сказали уже, является основнымъ тономъ, несущимъ эти типичные звуки; позже оно стало являться въ видѣ *и* и *у* и уже по раздѣленію языка на нѣсколько вѣтвей явился звукъ *е* и *о*.

(¹) Напримѣръ: *ма* = богъ (у Папуанцевъ), *земля* (у шести туранскихъ племенъ), *я, ты, мы* (у многихъ туранскихъ племенъ), *смерть* (у индоевропейскихъ племенъ, корень); *маа* = земля (у Чухонцевъ), *вода* (у Персовъ); *майтъ, майно* = вода (у Семитическихъ племенъ); *маафа* — огонь (у черкесовъ-кабард.); *мадзянъ* — солнце (у племенъ западнаго сѣвер.-берега. Африки); *манатъ* — смерть (у Осетинцевъ) — *мавахити* (на Орпико) и проч.

(²) «Radices lingnae sanscritae» v. N. L. Westergaard, Bonae ad Rhenum, 1841.

(³) Ср. Марка Мюллера «Lectures on the science of Language, London.

(⁴) См. Шлейхера «Compendium des vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen», II томъ. 1862.

Итакъ самыми первыми звуками были звуки первыхъ степеней раскрытія двухъ вѣшнихъ рядовъ: сначала явились *м* и *н*, затѣмъ *б* и *д*, *п* и *т*.... Вспомните систему.... Но мы кажется пустились въ гаданія, готовы уже излагать исторію возникновенія понятій, связанныхъ съ извѣстными звуками.... Слишкомъ дерзкое намѣреніе! Но не отчаеваемся, что статистико-физиологическая разработка звуковъ рѣчи во всѣхъ ея возможныхъ проявленіяхъ прольетъ свѣтъ и на мертвыя окаменѣлости древнихъ цивилизацій—на письменные памятники и вмѣсто безжизненной муміи, какими до сихъ поръ остаются эти памятники, предъ нами встанетъ живой дивный образъ былаго и расскажетъ намъ чудную сказку про то, какъ люди, начиная съ поклоненія разнымъ болванамъ—деревьямъ, камнямъ, водѣ, огню и проч.—мало-помалу начали высвобождаться изъ-подъ власти, понимая ихъ все проще и проще, и наконецъ кончили тѣмъ, что стали повелѣвать и моремъ и всѣмъ, что въ морѣ, и землей и всѣмъ, что въ землѣ и на землѣ, и вѣтромъ и всѣмъ, что носится въ немъ....

Кіевъ.

003

**THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL**

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

P116
.L38
1865

